

СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ АЛТАЙЦЕВ ДЖУНГАРСКОГО ПЕРИОДА

Надежда Романовна ОЙНОТКИНОВА¹

Nadezda Ojnotkinova

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются сюжеты и образы преданий алтайцев, связанные с историей Джунгарского государства, созданного ойротами и просуществовавшего до середины XVIII в. Сравнение исторических фактов с преданиями даёт возможность составить представления о том историческом периоде, роли государственных деятелей и самосознании тюркских, а именно алтайских, племён.

Ключевые слова: исторические предания алтайцев, сюжеты и образы.

¹ PhD, Senior Research Fellow, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; канд. филол. н., старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, к. 205, sibfolklore@mail.ru.

STORIES AND IMAGES OF HISTORICAL LEGENDS ALTAIANS OF DJUNGARIAN PERIOD

ABSTRACT

The paper analyzes the plots and characters of legends Altai related to the history Junggar state created Oirat and lasted until the mid-XVIII century. Comparison of historical facts with legends provides an opportunity to make representations about the historical period, the role of government officials and Turkish identity, namely the Altai, the tribes.

Keywords: historical legends Altai, stories and images.

История алтайцев, сохранившаяся в форме преданий, передавалась из уст в уста в течение нескольких поколений. Активная фиксация их исследователями приходится на XX в., когда были еще живы знатоки и хранители истории и фольклора. В данной статье мы рассмотрим предания, которые посвящены историческим событиям, происходившим в начале и середине XVIII в. и связанным с так называемым ойратским периодом (ойрот каан тужында — букв. «во времена ойротского каана»). Как известно, Джунгарское государство, созданное западно-монгольскими племенами — ойратами, просуществовало приблизительно с 1635 по 1755 г. По историческим данным, летом 1755 г. оно прекратило существование, и цель, которую преследовали цины в течение более ста лет, была наконец достигнута (Моисеев 1983: 65). В преданиях рассказывается о войнах, происходивших между джунгарами и цинами (в Цинской империи привилегированное положение занимали маньчжуры), в которые невольно были втянуты тюркские племена Саяно-Алтая. Они отражают социально-экономические, политические отношения и этнические процессы, происходившие среди алтайских племён в то время.

История Джунгарии и народов Саяно-Алтая того времени подробно рассматривалась в трудах Ш.Б. Чимитдоржиева (1978), И.Я. Златкина (1983), В.А. Моисеева (1983), Ч.Ч. Валиханова (1985). Фольклорно-этнографический экскурс в исторический песенный фольклор был дан Т.М. Садаловой (2006).

Сравнение исторических фактов с ситуациями, описанными в преданиях, даёт возможность составить полное представление о роли этих личностей в самосознании тюркских племён в тот исторический период. Обращаясь к историческим преданиям, нельзя не отметить фольклоризацию образов исторических личностей, по отношению к которым устное народное творчество проявляет удивительную избирательность, делая одних положительными героями, других — отрицательными, а некоторых вообще не удостоивает вниманием.

В алтайских преданиях под именем Эдьен (Эјен-каан, Эјен-Боодо) выступает цинский правитель. Имя Калдан-каана собирательное, под названным так героем могут подразумеваться две личности: Галдан Бошокту-каган (1671–1697), который занял джунгарский трон после смерти своего брата Сенге (1654 –1672), и Цеван-Рабдан (1697–1727), сын Сенге. Галдану Бошокту-кагану, стремившемуся к созданию централизованного государства в

Джунгарии, приходилось сражаться с политическими противниками — маньчжурами. Исторические источники подтверждают, что прототипом героя преданий Шуну являлся средний сын Цеван-Рабдана — Шуна-Дамба (Чимитдоржиев 1978: 193). Шуну и Калдан-каан имели сложные взаимоотношения: на это указывают исторические источники, где сообщается о том, что по приказу Галдан-Церена был ослеплён и отправлен в ссылку брат Шуну Баргай (Баранга) (Там же: 155).

Шуну стал популярным персонажем исторического фольклора и других тюрко-монгольских народов. Согласно историческим данным, Шуна-Дамба (Шуну-Дава) родился от второй жены Цеван-Рабдана, дочери калмыцкого хана Аюке. В начале XVIII в. отношения между джунгарскими и калмыцкими ханами ухудшились из-за того, что Шуну-Дава, очевидно, покинул пределы Джунгарии и находился в ставке своего деда Аюке (Чимитдоржиев 1978: 155).

У алтайцев в разное время было зафиксировано более десятка текстов о Шуну, различных по полноте сюжетной линии. Следует заметить, что исторические предания тувинцев, в отличие от алтайских, чаще повествуют о другой, не менее заметной личности того времени, об Амыр-Сане (Мифы, легенды, предания тувинцев 2010). Возможно, это обусловлено разными военно-политическими и географическими факторами.

Наиболее полной оказалось алтайское предание о Шуну, опубликованное в XIX в. В.В. Радловым (Образцы народной литературы 1866: 184–186), где отмечается, что Конодой – ойротский каан был дважды женат; от первой жены родился сын Шуну. После смерти жены Конодой женился вновь; от второй жены родились дочь и три сына: Амыр-Санаа, Темир-Санаа, Калдан-Черю. Предания начинаются с обрисовки конфликтной ситуации, с указанием её причины: хан имел детей от двух жён, что порождало между сводными братьями соперничество за престол: «У каана Ойрота была одна дочь и двое сыновей. Имя единственной дочери — Коо-Таадья, имя младшего сына — Шуну, старший сын — Амыр-Санаа» («Ойрот деп каан жа *Ныс кысту ла эки уулду болгон. Жа *Ныс кызыны* *Н* ады Коо-Таа*я*ы, кичинек уулыны *Н* ады Шуну, жаан уулы — Амыр-Санаа») (НПА 2011: 296-297). В другом тексте: «У чёрного народа с кожаными поясами в прежние времена Калдан-Ойрот кааном был. У каана Калдан-Ойрота было двое детей. Старший ребёнок — дочь, имя её Эрке-Шуру, младший — сын, Шуну» («Кайыш курлу кара албаты мына *Н* озо Калдан-Ойрот каанду болгон. Калдан-Ойрот каан эки балалу болгон. Жаан балазы — кыс, ады Эрке-Шуру, кичинеги — уул болгон, Шуну») (НПА 2011:*

316–317). Эдьен-каан и Калдан-Ойрот были сватами, но они не доверяли друг другу. Калдан хочет забрать свою дочь и зятя, чтобы они жили с ним. Шуну едет за ними в землю Эдьен-каана. В тексте события обрисованы с элементами сказочного вымысла:

На своего вороного коня сев, нацелившись на владения Эдьен-каана, Шуну-батыр туда направился... Зная, что не сможет воевать против Шуну, не сможет ему противостоять, до приезда Шуну (Эдьен-каан) свою землю-алтай, свой белый скот, свой народ-племя в прогоревший уголь, в золу превратил. Своего сына и невестку, в двух одинаковых птенцов перепёлок превратив, в глубь неба выпустил (НПА 2011: 319).

В предании Шуну, сын ойротского хана, – сильная личность с неординарным характером, наделённый огромной физической силой и умом; и это соответствовало действительности. Борьба за трон и реальная вражда между Амыр-Саной и Шуну засвидетельствована в эпизоде, где дядя приглашает своего племянника на охоту с целью убить его, а также когда сыновья ойротского хана, подговорив отца, жестоко расправились с Шуну и бросили его в яму глубиной в 60 аршинов. Он оказывается живым, «вставив ему собачьи глаза и собачьи лопатки», его вытаскивают оттуда (НПА 2011: 320–321). Эдьен-каан, противник ойротского хана Калдана, испытывает его мудрость и силу, чтобы пойти на него войной. Почти во всех вариантах подчёркивается, что Эдьен-каан хотел удостовериться, жив ли Шуну. Если Шуну-батыр погиб, то Эдьен-каан был готов идти войной на Калдана.

Сами же подданные этого ханства считали Шуну личностью, который бы реально мог управлять государством и защищать свой народ. Эта идея присутствует в эпизоде сюжета, когда враги испытывают способность джунгарского правителя «разгадать» загадки, заданные ими. Эпизод с разгадыванием загадок присутствует во всех вариантах предания (НПА 2011: 501–503). Первая из загадок: определить, какой из трёх коней самый старший, какой — средний, а какой — молодой. Вторая: определить, которая из двух сорок — самка, которая — самец. Третья: узнать, где верх, где низ у палочки. Эти загадки мог разгадать лишь Шуну.

Образ Шуну рассказчиками оценивается неоднозначно: с одной стороны, он охарактеризован как сильный наследник престола, с другой – жестокий захватчик. В одном из преданий говорится, что Шуну, не послушавшись отца, «подвергся наущению злого духа *бурхана* Тарике» и едет

завоёвывать соседние народы (НПА 2011: 296–297). По пути он встречает слепого старца в пещере, который проклинает его отца Тёрбён-Ойрота и желает, чтобы его государство развалилось изнутри. Захватническая политика Шуну не нравилась многим, и мифический образ старца служит выражению этой идеи. В предании, записанном в 1970 г., от известного сказителя Т.А. Чачиякова, также отмечается, что Ойрот-каан и его сын Шуну ведут завоевательные войны с соседними народами, а именно с китайским императором Эдьен-кааном (НПА 2011: 316–339).

Исторические предания алтайцев не всегда реалистически отображают происходившие события, более того, под воздействием законов фольклорного повествования исторические персонажи приобретают фантастические качества, органично вписываясь в общую мифологическую картину мира, исторические события и факты трансформируются, пропускаются через сознание носителей фольклора. Так, в преданиях идеализируется и рождение племянника Шуну — Табачи. В «Шуну» отмечается, что единственная дочь Ойрот-каана, сестра Шуну, забеременела, проглотив градинку, упавшую через дымоход в золу очага, и родила сына по имени Табачи, который впоследствии стал претендентом на престол (НПА 2011: 308–309).

Согласно историческим фактам, хоросский князь Даваца (Табачи) — один из наследников по боковой линии ханской ветви — овладел престолом ойротского хана с помощью хойтского нойона Амурсаны в конце 1752 — начале 1753 г., после очередного кровавого переворота. Однако его союз с Амурсаной оказался непрочным и недолговечным. Амыр-Санаа в благодарность за свою помощь и поддержку Даваца в борьбе за трон хана вскоре потребовал у него половину ханства, в том числе и Алтай (Моисеев 1983: 53). В результате междоусобной войны с Амыр-Саной, на стороне которого выступали китайско-маньчжурские войска, Даваца отступил в Кашгарию, где 16 июля 1756 г. был схвачен правителем города Куча и передан в руки цинов (Чимитдоржиев 1978: 160).

Мотив борьбы между Амыр-Саной и Табачи (в некоторых текстах и вариантах — Шуну) показан в эпизоде охоты (НПА 2011: 308–311, 338–339). В варианте, записанном В.В. Радловым, говорится о том, что конфликт возник из-за превосходства Шуну как охотника и воина. Вернувшись домой, в своих неудачах на охоте братья обвинили Шуну, обвинили в желании убить отца и уговорили отца его наказать (Образцы... 1866: 184–185). Попытка Амыр-Саны убить своего племянника Табачи на охоте завершается неудачей, и он уезжает

в Россию, где встречается с императрицей Екатериной, которую в народе называли Бала-каан (НПА 2011: 330–333).

Согласно другому преданию, сестра Шуну родила сына, который держал в правой руке сгусток чёрной крови, в левой — чёрный камень (НПА 2011: 330–331). Рассказчик, перепутав имя её сына, называет его Амыр-Саной, хотя по историческим документам это должен быть Даваца (Табачи), как в предыдущем тексте.

Реальный Амыр-Санаа являлся одним из претендентов на джунгарский престол после смерти Галдан-Церена в 1745 г.; в борьбе за престол начал междоусобную войну против Даваца, которого избрали ханом. В 1754 г. в результате внутренних распрей среди ханских наследников Амыр-Санаа выступил против Даваца и потребовал передачи ему части владений. Потерпев поражение, он бежал в Китай, поскольку Амыр-Санаа надеялся достигнуть своей цели с помощью маньчжуро-китайских войск. Однако в планы китайцев не входило восстановление Джунгарского государства, которое распалось, пришло в упадок в результате междоусобицы, они начали в нём резню. Маньчжуры решили разделить Джунгарию на четыре независимых друг от друга владения. Циньский император Хун-ли поддержал Амыр-Сану и пожаловал ему титул князя первой степени для того, чтобы поставить его своим наместником у ойратов. Но Амыр-Санаа, обманувшись в своих расчётах стать всеойротским ханом, отказался от китайского подданства, вернулся в Джунгарию и в 1755 г. поднял восстание против циньского порабощения. В начале 1756 г., после гибели Даваца, Амыр-Санаа был провозглашён ханом. Однако циньский император отправил полумиллионную армию на разгром обессиленного Джунгарского ханства. В июне 1757 г. в бассейне р. Или произошло последнее сражение между войсками Амыр-Саны и цинов. Сражение было проиграно, и Амыр-Санаа ушёл на территорию России. 28 июля 1757 г. Амыр-Санаа прибыл в Семипалатинскую крепость, отсюда выехал в августе в Тобольск. Здесь он заболел оспой и умер 21 сентября того же года в возрасте 35 лет (Златкин 1983: 293–301).

Предания о предводителях Джунгарского ханства Шуну и Амыр-Сане завершаются эпизодом о русской императрице Елизавете Петровне, образ которой соответствует действительности: она была миролюбивой правительницей. Царица устраивает приём Амыр-Сане, беседует с ним за чаем. Когда Амыр-Санаа, бросив свой народ, уехал, — рассказывается в

предании, — «...двенадцать *зайсанов* Алтая, к русскому *каану* пойдя, по собственному желанию покорились. С тех пор алтайский народ стал жить мирно, оказывается» («...*АлтайдыҢ он эки жайзаны орус каанга барала, бойыныҢ күүниле ого баккан. Оной ло ойто алтай албаты амыр журтай берген эмтир*») (НПА 2011: 336–337).

Согласно сведениям, приводимым историком В.А. Моисеевым, «маньчжуры, видя, что алтайцы и ойраты уходят под защиту русских укреплений, всё чаще практиковали переселение оставшегося или не успевшего уйти населения» (Моисеев 1983: 93). Кроме того, требование маньчжурского правительства о выдаче перебежавших к русским алтайцев, а также ойротского нойона Амур-Саны не было выполнено. Таким образом, притязания цинов на Южную Сибирь были отвергнуты.

Фигура Амыр-Саны в фольклоре тюрков Южной Сибири получила противоречивую оценку. Несмотря на честолюбие Амыр-Саны и то, что он развязал междоусобную войну, вызвавшую скрытую антипатию к нему народа, Амыр-Сана изображён как свой человек, герой, выступивший против китайско-маньчжурской экспансии.

В те времена ойроты жили на берегу р. Иртыш, а также в бассейне р. Обь, кочевали от Томска до Кузнецка. Центр правления ойротов в то время находился в Кузнецке. Когда войско русского царя приблизилось к Кузнецку, Ойрот-каан бежал (НПА 2011: 340–345). Покидая Алтай, ойротский хан обещал вернуться «в образе двенадцатилетнего ребёнка». Он отрезал хвост вороного коня, отмерив его до уровня голени, отрубил мечом верхушку чёрной ивы и сказал: «Когда верхушка чёрной ивы до неба дорастёт, когда хвост чёрного коня до бабок его отрастёт, вернусь» («*Кара талдыҢ бажы теҢериге једип чыккан кийинде, кара аттыҢ куйругы сакаагына једип тушкен кийинде, келерим*») (НПА 2011: 344–345). В другом тексте Ойрот-каан, срезав хвост своего коня до середины, сказал: «Когда отрезанный хвост его снова отрастёт до земли, я вновь вернусь» («*Ол кескен куйрук јерге јетире ѓс(с)ѓ, мен ойто келерим*») (НПА 2011: 342–343). Эти прощальные слова Ойрот-каана стали клише в преданиях не только алтайцев, но и тувинцев, хакасов, шорцев.

Джунгарская междоусобица, а затем китайско-маньчжурская экспансия тяжело отразились на положении алтайцев в середине XVIII в. Алтайские роды и племена участвовали в войнах, происходивших в Джунгарии,

принимали на себя удар китайских войск. Некоторые племена, попавшие в зависимость к цинам, вынуждены были бороться против своих же. В этом плане интересную страницу истории алтайцев открывает нам предание «Сын Эзена — Эр-Чадак» (НПА 2011: 345–349). В нём отмечается:

Чадак был сыном алтайца. В то время монголы, отняв его у родителей, увезли (к себе). Разлучённый в трёхлетнем возрасте с матерью, кормившей его, с Алтаем, где родился-появился, Чадак забыл всё. Когда он возмужал, монголы дали ему возглавить войско. Сын Эр-Чадака, возглавив жестокое войско монголов, столько народов покорил. В конце концов Чадака послали на Алтай, чтобы снова покорить тамошний народ, заставить его платить дань (НПА 2011: 344–345).

Таким образом, основными темами алтайских исторических преданий являются джунгарская междоусобица, распад Джунгарского государства, борьба ойротов с Цинской империей. В то время саяно-алтайские тюрки представляли консолидированную силу, подчиненную ойротским правителям. Устное бытование исторических преданий повлекло за собой фольклоризацию событий и образов исторических личностей, в результате чего они утрачивают достоверность и приобретают гиперболизм и сказочность.

БИБЛИОГРАФИЯ

Валиханов Ч.Ч. Шуна-батыр (Авантюрист XVIII ст.) // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1985. Т. 4. С. 8–14.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М.: Наука, 1964. 481 с.; 2-е изд. М.: Наука, 1983.

Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука. Издательская фирма РАН, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28).

Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.

Несказочная проза алтайцев – НПА / сост. Н.Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30).

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб., 1866. Т. 1.

Садалова Т.М. Загадки Шуну-батыра. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2006.

Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978.